

УДК 93/94

DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-3-72-86

ПАМЯТНИКИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА НА ДВУХ СТАРЫХ БАХЧИСАРАЙСКИХ КЛАДБИЩАХ

Лейбенсон Ю. Т.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: BeyleGamarnik@yandex.ru*

Рассмотрены надгробные памятники и эпитафии XIX – начала XX века двух некрополей Бахчисарая – кладбища по ул. Партизанской и в Русской слободке. Они представляют собой яркий пример провинциальных христианских некрополей. Описаны история исследования некрополей, их текущее состояние и проблемные вопросы охраны. Уточнено время основания Бахчисарайского гражданского некрополя по ул. Партизанской – не позднее 1813 г. Приводятся наиболее интересные эпитафии, свидетельствующие о греках-служащих Балаклавского Греческого пехотного батальона, участниках Крымской войны. Даны переводы греческих эпитафий, в том числе, составленных в честь выходцев из Трапезунда и о. Хиос. Рассмотрены эпитафии, отражающие социальный статус, чины государственной гражданской службы погребенных в Бахчисарае. Проанализированы практики использования «ассортиментных» эпитафий и заимствований стихотворных текстов эпитафий на поздних надгробиях. Рассмотрены распространенные и редкие формы надгробных памятников.

Ключевые слова: некрополь, эпитафии, крымские греки, Крымская война.

Одним из ценнейших, однако иногда незаслуженно игнорируемых исследователями, групп источников по истории Крыма XIX – начала XX века, являются памятники некрополей. Они дают возможность проследить этноконфессиональный состав населения, его социальное положение и занятия. Кроме того, памятники некрополей характеризуют культурный фон эпохи.

С этой точки зрения весьма интересны два некрополя в г. Бахчисарае – Бахчисарайское гражданское кладбище по ул. Партизанской и некрополь в Русской слободке. В XIX – начале XX вв. они представляли собой яркий пример провинциальных христианских некрополей, в памятниках которых отражены как общероссийские веяния, так и местный колорит.

Некрополь по ул. Партизанской является до сих пор действующим и посещаемым. Наиболее ранние его памятники относятся к 1810-м гг., притом они были поставлены грекам. Кладбище устраивалось как христианское, практически все фамилии до 1920-х гг. – греческие или русские. В советский период это был гражданский общегородской некрополь, погребенными становились русские, украинцы, греки, евреи. Последние захоронения относятся к 2010-м годам. Единственным памятником этого некрополя, охраняющимся как объект культурного наследия регионального значения, признан склеп-часовня семьи Михайли (постановление Совета министров Республики Крым № 627 от

20.12.2-16 г.; № 1071), вся же территория кладбища специальной охране не подлежит и находится, в целом, в неудовлетворительном состоянии.

Впервые несколько надгробий Бахчисарайского гражданского кладбища опубликовал В. И. Чернопятов в 1910 г. [18, с. 21, 23, 46, 188, 203, 272]. Два надгробия, поставленные в начале XX в. выходцам из Трапезунда, заинтересовали А. Л. Якобсона, опубликовавшего их в 1981 г. [20, с. 47–49]. Полноценное обследование всей территории некрополя выполнил краевед В. Н. Борисов в 2016 г. Им были выявлены и реставрированы несколько памятников: участника Крымской войны И. С. Поцуева, советских партизан, подпольщиков¹[4, с. 1, 7–8]. Однако исследователь сделал неверный вывод касательно датировки кладбища, отнеся его появление ко второй половине XIX в. На самом же деле, наиболее ранние памятники (по крайней мере, те, чья сохранность позволяет установить дату) относятся к 1813 г. и 1814 г. Тем не менее исследование В. Н. Борисова остается на сегодня ценным свидетельством о состоянии некрополя и наиболее значимых его памятниках, особенно о тех, которые касаются военного и послевоенного периода.

Русская слободка (ул. Пушкина), до 1778 г. называвшаяся Эрмени-маале (Армянским кварталом), была местом проживания христианского населения Бахчисарая – греков и армян. От этой эпохи частично сохранились руины армянского позднесредневекового храма и несколько надгробий армянского кладбища [7]. После 1783 г. здесь формируется русский квартал. История некрополя начинается позднее – с братских могил времен Крымской войны. В 1896 г. над большой братской могилой была возведена часовня в честь архангела Михаила. Часовня имеет пирамидальную форму, построена по образцу Свято-Никольского храма на Братском кладбище Севастополя. Некрополь действовал более столетия – последние захоронения относятся к 1960-м годам. В последней четверти XIX – нач. XX в. здесь преобладали русские и греческие памятники. Часовня вместе с братской могилой являются памятником истории регионального значения (Постановление Совета министров Республики Крым № 627 от 20.12.2016 г., регистрационный номер объекта – 1084) и находятся на учете в Бахчисарайском историко-культурном и археологическом музее-заповеднике. Сегодня вопрос охраны некрополя, ухода за ним и его изучения затруднен рядом факторов, в том числе, юридическим и финансовым. Кроме того, на нем находится ряд родовых захоронений (живы потомки нескольких семей). Это накладывает на автора ограничения при публикации некоторых памятников некрополя, поэтому в отдельных эпитафиях из Русской слободки имена погребенных приводиться не будут.

Наиболее ценный материал двух рассматриваемых некрополей – это, безусловно, эпитафии. Так, в них содержатся сведения о крымских греках², особенно интересны эпитафии служащих Греческого Балаклавского пехотного

¹ А именно: комсомольцев-подпольщиков А. М. Прокоповича, Е. И. Сереженко, разведчицы И. А. Козловой, партизана Б. А. Эргле, комсомолки А. Н. Белодед.

² Это новое греческое население Крыма, происходившее из Мореи, островов Архипелага, Малой Азии, Фракии. Оно, можно сказать, пришло на смену крымским грекам, выселенным в Приазовье в 1778 г. Из последних лишь немногие смогли вернуться в Крым в начале XIX в. [1; 2, с. 208].

батальона, в том числе, участников Крымской войны. Первоначально Греческий полк был сформирован в 1779 г. Его составили выходцы из Османской империи, перешедшие на русскую службу. До 1783 г. полк располагался в Керчи и Еникале, с 1784 г. переведен в Балаклаву. В 1797 г. указом императора Павла I пехотный полк преобразован в Балаклавский Греческий пехотный батальон (3 роты, 396 человек) [2, с. 650; 6, с. 38–39]. В годы Крымской войны Балаклавский Греческий батальон оборонял Балаклаву и Южный берег Крыма. После Крымской войны, в 1859 г., батальон был расформирован [6, с. 38–39].

В 1835 г. упокоился на Бахчисарайском гражданском кладбище (по ул. Партизанской) кладбище по прапорщик Греческого пехотного батальона. Его эпитафия сообщает:

«INBI|NK KA|ENΘADE KYTETE O ΔΟΥΛΟΣ ΤΟΥ|ΘΕΟΥ ANTONION TENED
ΓΙΟΣ|ΠΡΑΠΟΡΙ 3 ΙΚΟΣ ΤΟΥ ΓΡΕΚΙΚΟΥ|ΜΠΑΤΑΛΙΟΝΙΟΥ ΕΓΕΝΙΘΙ·
1797|ΓΕΝΑΡΙΟΥ 14 ΕΝΤΑΦΙΑΣΘΗ 15|ΤΟΥ Ε·1835 ΑΠΡΙΛΙΟΥ 25».

Перевод: И(исус) Н(азорей) Ц(арь) И(удейский) побеждает. Здесь покоится раб Божий Антонион, сын Тенеда(?), прапорщик 3 роты Греческого батальона. Родился в 1797 января 14. Погребен 15 в г. 1835, апреля 25.

В эпитафии Антониона предпринята попытка передать русские слова «батальон» и «прапорщик» в греческой графике¹. При этом подразделение батальона передано словом ΙΚΟΣ (предположительно, так передано слово οίκος). Вероятнее всего, имелась в виду 3-я рота: из трех рот батальон состоял до 1814 г., а в 1814 г. к нему была добавлена четвертая. Третья рота называлась «ротой Васильева», так как в конце XVIII в. ею командовал Христофор Васильев, уроженец Морей. Командир роты служил в Крыму уже в 1774 г., затем принимал участие в штурме Очакова, воевал в Польше и во Франции [14, с. 180–182].

На этом же некрополе позднее был погребен участник Крымской войны, также служащий Греческого батальона. Эпитафия его составлена на русском языке:

«Здѣсь покоится тѣло | Бала: баталіона редавой | Дмитрія сынъ Самніонинъ Іго |
Ноября скончалось 1855 го: | Отъ роду Ему 25 годъ».

Сокращение «Бала:» – очевидно, от «Балаклавского».

Неподалеку от этой могилы установлен памятник еще одному участнику Крымской войны, но уже русского по происхождению:

¹ Если слово ΜΠΑΤΑΛΙΟΝΙΟΥ не вызывает никаких затруднений, то несколько сложнее с контекстом, в котором дано слово ΠΡΑΠΟΡΙ. Конструкция ΓΙΟΣ ΠΡΑΠΟΡΙ, кажется, допускает, что имеется в виду «сын прапорщика». У воина Греческого батальона в 1797 г. потомство могло появиться уже в Крыму, известно, что такие «служилые дети» сами заступали на службу в 1820-30-х гг. [14, с. 180–182]. Однако нам представляется, что раз резчик справился с родительным падежом слова «батальон», от него логично было бы ожидать генетива и в данном случае, например, ΓΙΟΣ ΤΟΥ ΠΡΑΠΟΡΟΥ. Поэтому мы склонны считать прапорщиком самого покойного, а слово «сын» – частью конструкции TENED ΓΙΟΣ. Такая фамилия известна в Бахчисарае в конце XIX в.: один из членов семьи Тенеда упокоился на кладбище в Русской слободке в 1889 г. Еще одно неясное место в надписи – два числа, 15 и 25 в дате погребения, что могло быть вызвано ошибкой резчика.

«Бомбардиръ| севастопольской| обороны| 1854-1855 г.| Иоанн Самсоновичъ| Поцуевъ| умеръ 25 октября 1889 г.| от роду 90 лѣтъ.| мир праху твоему| от сына».

Воином Греческого Балаклавского батальона или, по крайней мере, членом семьи грека на службе у России мог быть Пантелеймон Триандафил. В «Послужных списках Балаклавских греков» упоминаются архипелагские греки, сержанты Ставро и Засим Триандафил, служившие в 1770-90-х гг. [16, с. 200, 204]. Памятник Пантелеймону установлен на кладбище в Русской слободке. Эпитафия не содержит даты, но судя по окружающим надгробиям, это последняя четверть XIX в.:

«ΜΕΘ ΗΜΟΝ Ο ΘΕΟΣ| ΕΝΘΑΔΕ Ε| ΕΝ ΗΡΕΙΝΗ| ΑΝΑΠΑΒΕΙ ¹ | ΤΡΗΝΑΤΑΦΗΛ| ΠΑΝΤΕΛΗΜΟΝ».

Перевод: С нами Бог. Здесь в мире упокоился Триандафил Пантелеймон.

Служащими Греческого батальона или членами их семей, вероятнее всего, нужно считать и похороненных на некрополе по ул. Партизанской Ксенофонта Кича и Илиаса Сотириса. Их эпитафии гласят:

«Σ ΧΣ ΝΙ ΚΑ| Ω ΔΕ ΚΑΤΩΘΕΝ| ΚΕΙΤΕ Ο ΔΟΥΛΟΣ ΤΟΥ ΘΕ| ΗΛΙΑΣ| ΣΟΤΗΡΙΣ| 1821 ΜΑΙΟΥ» (Рис. 1).

Перевод: И(исус) Х(ристос) побеждает. Здесь (внизу) лежит раб Божий Илиас Сотирис, (умер) 1821, в мае.

«На сѣмѣ месте покоится прахъ| Раба божия Ксенофонзъ | Синъ Кича| скончавшися 1860 окт[я]бря 14 дня пожившего 40 лѣтъ».

В «Послужных списках Балаклавских греков» упоминаются сержант Христо Сотыри, капрал Дмитрий Сотыри; а также Димитрей Кичи. Все они служили в последней трети XVIII в., происходили с островов Архипелага. Все они, за исключением Д. Сотыри, участвовали в сражениях Русско-турецкой войны 1787—1791 гг. [16, с. 220, 252, 287]. Достаточно оснований предположить в них родственников наших погребенных в Бахчисарае.

Интересны содержащиеся в эпитафиях указания на социальный статус, чин гражданской службы умерших. Это характерно и для других русских и крымских кладбищ второй половины XIX – начала XX в. [напр.: 18, с. 40, 41].

Так, на некрополе в Русской слободке в одной из эпитафий указано, что скончавшаяся – «дочь губернского секретаря» (ум. 1954 г. в возрасте 2-х лет). Губернский секретарь – это всего лишь 12-й класс согласно «Табели о рангах», он не обеспечивал чиновнику даже личного дворянства. Однако чин давал личное почетное гражданство. Близкие умершего младенца, явно не будучи людьми высокого происхождения, гордились и таким положением отца семейства. Другая эпитафия из Русской слободки повествует, что умершая – «вдова чиновника 8 класса» (ум. 1855 г.), что соответствует чину коллежского асессора. Если супруг умершей получил этот чин до 1845 г., он приобрел потомственное дворянство. В случае же, если 8-й класс был присвоен ему после указа Николая I «О порядке

¹ Эративы очень часты как в русских, так и греческих эпитафиях. В обоих языках они возникали из-за отличия орфографической нормы от фонетической. Отсюда – «миллой» вместо «милый», «не топчители мой прах», *αναπαβει* вместо *αναπαβει*, *ηρείνη* вместо *ερίνη* и т.д.

приобретения дворянства службою», только личное [13, с. 450–451]. Как бы то ни было, чиновник 8-го класса для провинциального Бахчисарая не был фигурой незначительной.

Рис. 1. Надгробие Илиаса Сотириса, 1821 г. Бахчисарайское гражданское кладбище по ул. Партизанской.

Одна из эпитафий Бахчисарайского гражданского кладбища (по ул. Партизанской) сообщает:

«Здѣсь покоится прахъ жены титулярнаго совѣтника Елисаветы Мошковой скончавшейся 11го Юня 1888 года, 77ми лѣтъ отъ роду».

Титулярный советник, чиновник 9-го класса «Табели о рангах», после 1845 г. получал личное дворянство и право потомственного почетного гражданства для потомков.

Некоторые эпитафии указывали на факт проживания в том или ином крымском городе. Даже если погребенный был бахчисарайским мещанином, это иногда находили нужным отметить. Одна из эпитафий некрополя по ул. Партизанской упоминает об этом так:

«Здѣсь Погребено тело Параскови Орловской Бахчисарайской житѣльки Предавшей душу свою въ руки Божии лѣтъ 25 в 1852 г.».

Выше приведены эпитафии воинов Балаклавского батальона, погребенных в Бахчисарае. В эпитафиях XIX в. приведены сведения и о севастопольских мещанах, по каким-то причинам похороненных в Бахчисарае:

«На семь месте покоится| Прахъ рабы Божія Севасто|польская мещанка Анна| Коновалова скончала жизнь въ| 1861го году февраля 8 дня| 38 летъ от роду».

«Здѣсь покоится прахъ| раба Божія| Севастопольскаго мѣща| Архипа| Коновало|ва Умеръ 1 Апр. 1884 г.| на 58 году».

Отмечалось в эпитафиях и иностранное происхождение погребенного – традиция древняя, прослеживающаяся, по меньшей мере, с античной эпохи [напр.: 12, №№ 124, 129, 134, 144, 173, 188, 194, 195, 208; в XIX в. – 18, с. 41].

Двое погребенных на Бахчисарайском гражданском некрополе происходили из Трапезунда.

ΓΡΗΓΟΡΙΟΥ ΚΟΥΤΟΥΝΙΔΟΥ|ΕΝΟΡΙΑ ΑΒΛΙΑΝΑ|ΣΟΥΜΕΛΑ.ΑΠΟ ΝΟΜΩΝ ΤΡΑΠΕΖΟΥΝΤΟΣ|ΕΓΕΝ|ΘΗ 6 ΑΥΓΟΥ 1900|ΑΠΕΒ|ΩΣΕ 5 ΣΕΠΤΕΜΒΡΙΟΥ 1918.

Перевод: Григория Кутуниды из прихода Авлиана, из Сумелы. Из области Трапезунда. Родился 6 авг. 1900 г. Скончался 5 сентября 1918 г.

Ενθαδε|ΚΕΙΤΑΙ Ο ΔΟΥΛΟΣ|ΣΟΥ ΠΑΝΤΕΛΕ|ΗΜΩΝ ΘΕΟΔΩ|ΡΙΔΗΣ ΕΓΕΝΝΗ|ΘΗ ΤΟ 1920 ΚΑΙ|ΑΠΕΘΑΝΕ ΤΟ 19|24 ΑΥΓΟΥΣΤΟΥ 21|ΚΑΤΗΓΕΤΟ ΕΚ ΤΟ|ΝΟΜΟΥ ΤΡΑΠΕΖ|ΕΠΑΡΧΙΑΣ ΧΑΛΔΙ|ΑΣ ΧΩΡΙΟΝ ΓΟΝΑ

Перевод: Здесь лежит раб Твой Пантелеимон Феодоридис. Родился в 1920 г. и умер в 1924 г. августа 21-го. Происходил из области Трапез(унда), епархии Халдийской, из села Гона.

Впервые эти два памятника были опубликованы А. Я. Якобсоном в 1981 г. [20, с. 47], мы приводим текст по его чтению и прорисовке. К сожалению, состояние надгробий к нашему времени ухудшилось и эпитафия Григория Кутуниды полностью уже не читается (Рис. 5–9).

Из Трапезунда происходит также один из погребенных на некрополе в Русской слободке:

ΕΝΘΑΔΕ ΚΙΤΕ|ΤΕ Ο ΔΟΥΛΟΣ ΤΟΥ|ΘΕΟΥ (ο δείνα) ΕΚ ΤΗΣ ΠΟΛΙ|Σ ΤΡΑΠΕΖ|ΟΥΝΤΑΣ ΑΝΑ|ΠΑΥΣΟΝ ΚΥΡΙΕ] (Рис. 2).

Перевод: Здесь лежит раб Божий (имя погребенного) из города Трапезунд. Упо[кой, Господи].

Дата упокоения не указана в эпитафии. Можно лишь с осторожностью ориентироваться по участку, где расположено надгробие – соседние памятники установлены в последней четверти XIX в.

Отдельные выходцы из Трапезунда были известны в Крыму на протяжении нескольких веков. Это могло быть вызвано переходом крымских византийских владений под власть Трапезунда после падения Восточной Римской империи в 1204 г. и последующими связями между северным и южным берегами Черного моря [17]. Так, к примеру, известны в с. Стиля (Лесниково) надписи о посещении этих мест в 1750–60-х гг., оставленные на стене греческой церкви иеромонахом Гервасием из трапезундского монастыря Сумела [20, с. 46]. О колоритном выходе из Трапезунда, «оптимате» Чуковове, еще мальчишкой пришедшем на работу на табачных плантациях в Крыму около середины XIX в., а в конце века уже владевшем своими плантациями, упоминал А. Л. Бертье-Делагард [3, с. 164].

Рис 2. Надгробие выходца из Трапезунда. Кладбище в Русской слободке.

Здесь же, в Русской слободке, установлено надгробие еще одному иностранцу, прибывшему в Крым с о. Хиос. Его эпитафия:

ΞΕΝΟΣ| ΕΝΤΑΥΘΑ ΚΕΙΜΑΙ| ΕΚ ΤΗΣ ΝΗΣΟΥ| ΧΙΟΥ ΕΙΜΑΙ| ΞΕΝΕ ΑΝ
ΘΕΛΗΣ| ΤΟ ΟΝΟΜΑ ΜΟΥ (ο δείνα) ΕΙΜΑΙ| ΕΓΕΝ.1838| ΑΠΕΒΙ.1918

Перевод: Чужестранец здесь лежу я, с острова Хиос. Странник, коль желаешь (знать), имя мое – (имя погребенного) я. Род. 1838. Ум. 1918.

В Крыму известны выходцы с Хиоса во второй половине XIX в. [19]. Остров Хиос, бывший одним из многочисленных «яблок раздора» между Османской империей и Грецией, стал принадлежать последней в 1912 г. Но мы можем предположить, что переселение в Крым человека, позднее упокоившегося на кладбище в Русской слободке, произошло после этой даты или незадолго до нее. Возможно, переселение уже пожилого человека в Крым было связано с событиями Первой мировой войны.

Нередки в эпитафиях, в том числе крымских, указания на обстоятельства смерти (от болезни, убит разбойником [18, с. 19, 107, 114, 207]). Примечательна эпитафия на надгробии из Русской слободки:

«Здѣсь покоится| унт:-офиц: I эскад:| Крымск: Девизи: (*имя погребенного*) скончав: 6 янва: 1882 го| отъ выстрела изъ охот: | ничья оружья | произве: деннаго нечая| но его товарище: | другомъ».

Культурный фон эпохи, литературные запросы и предпочтения среднего крымского мещанина середины XIX – начала XX вв. пусть не в полной мере, зато достаточно ярко демонстрируют стихотворные эпитафии или отдельные стихотворные цитаты в эпитафиях. Такие надгробные стихи иногда принадлежали авторству знаменитых поэтов, но быстро становились расхожими, «ассортиментными эпитафиями» [15, с. 80].

Показательный пример – эпитафия «Покойся, милый прах, до радостного утра!..». Эта лаконичная, но проникновенная эпитафия принадлежит перу Н. М. Карамзина, составившего ее в 1798 г. по просьбе анонимной матери, потерявшей свою маленькую дочь [11, с. 112]. «Ассортиментной» эпитафия стала уже в первой четверти XIX в.: в 1819 г. она была помещена на надгробии Платона Пушкина (брата великого поэта, умершего в младенчестве), а годом ранее – на надгробии русского младенца на кладбище Пер-Лашез в Париже [10, с. 5].

В Крыму популярная эпитафия встречается на протяжении всего XIX в. [18, с. 36, 78, 79, 111, 112], есть она и среди бахчисарайских эпитафий некрополя по ул. Партизанской (здесь речь также идет об умершем ребенке):

«Покойся ты милой | Прахъ до радостнаго| утра Григори Дими| триевъ сын Волкова| родился 1852 февраля| 10го упокоилась 2 году| своей жизни 1854го 2 Юня| 28 дня».

Еще одной популярной «ассортиментной» эпитафией стал текст (может приводиться с вариациями): «Прохожий, не топчи мой прах – я уже дома, а ты в гостях». Считается, что он восходит к стихотворению Павла Сумарокова «Эпитафия самому себе», изданному в 1802 г.:

Прохожий! Ты идешь, но ляжешь так как я.
Постой и отдохни на камне у меня;
Взгляни, что сделалось со тварью горделивой,
Где делся человек? – И прах порос крапивой.
Сорви ж былиночку, вспомни о судьбе,
Я дома, ты в гостях. – Подумай о себе [5, с. 133–145].

Таких эпитафий в Бахчисарае обнаружено три. Одна – на гражданском некрополе по ул. Партизанской:

«Здѣсь покоится Юн-|ный прахъ Афанасия| Щеголевъ|Прошу друзья ненаступай-| те мой прахъ я дома а| Вы въ гостяхъ сконч. | 19-го 1885 г. Юня».

Две подобные эпитафии – из Русской слободки. С формулировкой «Друзья не топчите| мой прахъ я дома| А вы въ гостяхъ» – эпитафия женщины, упокоившейся в 1886 г., с той же формулировкой (но при этом с грамматической ошибкой: «не топчители») – эпитафия юноши, скончавшегося в 1903 г. Две эти могильные плиты

находятся рядом, и очевидно, что более поздняя эпитафия скопирована с более ранней, что также представляет собой распространенную практику.

Понравившийся текст, с изменениями или без них, переносили с плиты, поставленной ранее на том же некрополе. Примечательно, что это происходило не только в рамках пары десятилетий. Иногда дореволюционные эпитафии конца XIX в. копировались на советских надгробиях и даже на более поздних памятниках, установленных в 1990-х, 2000-х гг. Много примеров этому дают московские и петербургские кладбища [напр.: 15, с. 150, 194]. В Крыму копирование стихотворных эпитафий также можно обнаружить в кладбищенской практике разных городов. Так, например, стихи, посвященные погребенному в 1891 г. на Севастопольском еврейском некрополе Шломо Кукулевичу, в 1930-е гг. несколько раз переносили на памятники подросткам, похороненным на том же кладбище¹.

Есть подобный яркий пример трансляции текстов и на Бахчисарайском кладбище по ул. Партизанской. Наиболее ранняя дореволюционная эпитафия гласила:

«Здѣсь покоится прахъ дѣ-
вицы Христины Каракаш
Умерш. 3 февр. 1880 года
на 21 году отъ роду.
Тебѣ ужъ нѣтъ. Тебя не стало
Прощай любимое дитя.
Как розы цвѣтъ ты вдругъ увяла
И горько тихо плачу я.
Когда со мною ты простилась
Дрожали слезы на глазахъ
И въ лучший мѣръ переселилась
С молитвой Богу на устахъ».

Спустя 16 лет стихи были скопированы на надгробии, находящемся на том же некрополе (немного поодаль, в нескольких десятках метров):

«Тебя ужъ нѣтъ
Тебя нѣ стало пра
щай любимой мужъ
какъ розы цвѣтъ ты

¹ Эпитафия Ш. Кукулевича была трехязычной: текст, состоящий из традиционных формул, на иврите, стихи (по смыслу идентичные) на русском и французском языках. Разумеется, в советское время переписывали только стихи на русском:

«Спи спокойно, сынъ родной
Мы тѣбя не позабудемъ
И конецъ твой роковой
Вспоминать мы вѣчно будемъ
Хотя скрыть ты под землѣй
Но душа твоя вѣтаеть
И родителя твоеимъ
О тѣбе напоминаеть».

увяль и горько плачу
я. И сынъ твой милай
дождалъ тебя
Илья 1896 г. февр. 29
млад. Василий 15 д.
Фиктистовъ».

Наконец, в метре от захоронения Христины Каракаш, прямо на участке середины XIX в. устроено захоронение 1962 г. (трагически погибшая девушка). Первое четверостишие с соседнего надгробия, установленного почти на столетие ранее, с небольшими изменениями было перенесено в ее эпитафию:

«Тебя уж нет
Тебя не стало
Прощай любимое дитя
Как розы цвет ты вдруг увяла
И тихо горько
Плачем мы
Папа Мама Лида».

Конечно, второе четверостишие исходного стихотворения, выразившее христианское представление о душе, отправляющейся в «лучший мир» «с молитвой Богу на устах» копировать в 1962 г. не стали.

Следует сказать также о форме надгробий на двух некрополях г. Бахчисарая. Наиболее ранними формами надгробных памятников являются камни в форме поставленного вертикально равноконечного креста или прямоугольные плиты с таким же рельефным равноконечным крестом. Такие памятники ставили как грекам, так и русским (Рис. 1). С середины XIX в. распространяются массивные горизонтально лежащие плиты с рельефными изображениями крестов на верхней стороне памятника (Рис. 3). На одной из таких плит, поставленной на надгробии в 1877 г., обнаружены сделанные в камне углубления для воды, что находит параллель с татарскими и караимскими надгробиями XIX в. и более раннего времени [9, с. 41].

Среди памятников конца XIX – нач. XX в. встречаются «деревья скорби», многоступенчатые надгробия (Рис. 4).

Особенно оригинальны надгробия в виде миниатюрной точной копии крестово-купольных храмов – так выглядят памятники нач. XX в. выходцам из Трапезунда, Григорию Кутуниду и Пантелеимону Феодоридису (Рис. 5–8).

ПАМЯТНИКИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА НА ДВУХ
СТАРЫХ БАХЧИСАРАЙСКИХ КЛАДБИЩАХ

Рис. 3–4. Формы надгробий XIX – нач. XX вв.

Рис. 5–6. Надгробия Г. Кутунда и П. Феодоридиса, состояние памятников в 1981 г. (по А. Л. Якобсону) [20, fig. 2–3].

Рис. 7–8. Надгробия Г. Кутуниды и П. Феодоридиса, современное состояние.

Интересно, что подобное надгробие в виде копии крестово-купольного храма, датирующееся XIII в., в было найдено при исследованиях «пещерного города» Эски-Кермен (Рис. 9) [20, с. 47].

Рис. 9. Надгробие в виде крестово-купольного храма, XIII в. (по А. Л. Якобсону) [20, fig. 4].

Фотографии практически не встречаются на памятниках этого периода. Одним из первых надгробий, содержащих фотопортрет погребенного, стало надгробие Деспины Константиновны Пачаджи (ум. в 1898 г.), матери известного бахчисарайского предпринимателя и мецената, Дмитрия Ильича Пачаджи [8]. Ее обновленная фотография и сегодня сохраняется на памятнике (установлен на некрополе по ул. Партизанской, рис. 10).

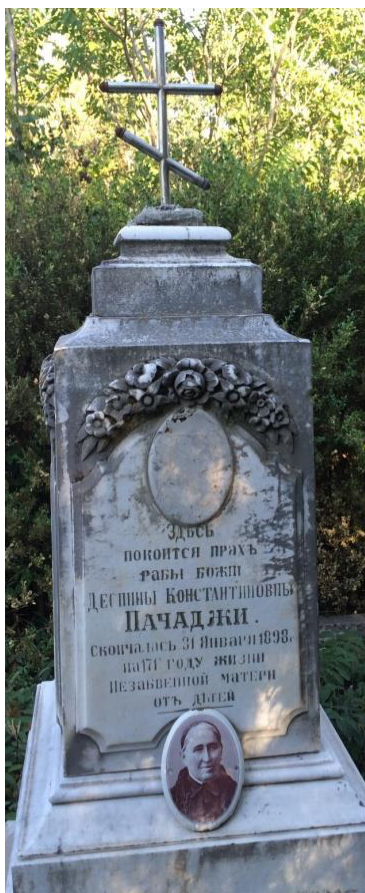

Рис. 10. Памятник Д. К. Пачаджи, 1898 г.

Итак, на двух христианских кладбищах Бахчисарая мы встречаем достаточно интересные памятники XIX – нач. XX вв., отражающие этнический состав жителей города, из происхождение и культурные предпочтения. Конечно, с помощью текста эпитафии не всегда возможно точно установить, откуда происходил и чем занимался тот или иной погребенный. Материалы некрополей представляется перспективным дополнить архивными данными на следующем этапе исследования.

Список использованных источников и литературы

1. Араджиони М. А. Возвращение в Крым старожильческого христианского населения после эмиграции 1778 г. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2001. – Вып. VIII. – С. 485–501.
Aradzhioni M. A. Vozvrashchenie v Krym starozhil'cheskogo hristianskogo naseleniya posle emigracii 1778 g. // Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii. – 2001. – Вып. VIII. – С. 485–501.
2. Араджиони М. А. Крымские греки // От киммерийцев до крымчаков (народы Крыма с древнейших времен до XVIII в.). – Симферополь: «Доля», 2004. – С. 192–208.
Aradzhioni M. A. Krymskie greki // Ot kimmerijcev do krymchakov (narody Kryma s drevnejshih vremen do XVIII v.). – Simferopol': «Dolya», 2004. – С. 192–208.
3. Бертъе-Делагард А. Л. Керменчик – крымская глушь // Бертъе-Делагард А. Л. Избранные труды по истории средневекового Крыма: в 3-х т. – Симферополь: «Доля», 2012. – Т. III. – С. 154–176.
Bert'e-Delagard A. L. Kermenchik – krymskaya glush' // Bert'e-Delagard A. L. Izbrannye trudy po istorii srednekovovogo Kryma: v 3-h t. – Simferopol': «Dolya», 2012. – Т. III. – С. 154–176.
4. Борисов В. Н. Захоронения героев народного сопротивления немецко-румынской оккупации 1941–1944 годов и первой обороны г. Севастополя 1854–1855 годов на городском кладбище в г. Бахчисарае по ул. Партизанская (По материалам натуральных и архивных исследований): в 2-х т. – Бахчисарай, 2016. – 31+65 с.
Borisov V. N. Zahoroneniya geroev narodnogo soprotivleniya nemecko-rumynskoj okkupacii 1941–1944 godov i pervoj oborony g. Sevastopolya 1854–1855 godov na gorodskom kladbishche v g. Bahchisarae po ul. Partizanskaya (Po materialam naturnyh i arhivnyh issledovanij): v 2-h t. – Bahchisaraj, 2016. – 31+65 s.
5. Веселова В. Эпитафия – формульный жанр // Вопросы литературы. – 2006. – № 2. – С. 133–145.
Veselova V. Epitafiya – formul'nyj zhanr // Voprosy literatury. – 2006. – № 2. – С. 133–145.
6. Греки России и Украины / Отв. ред. Ю. В. Иванова. – СПб.: Алетейя, 2004. – 624 с.
Greki Rossii i Ukrainy / Отв. ред. Ю. В. Иванова. – СПб.: Алетейя, 2004. – 624 с.
7. Днепровский Н. В., Чореф М. М. К вопросу о локализации и датировке армянского наземного храма в Бахчисарае // Историческое наследие Крыма. – Симферополь. – 2007. – Вып. 20. – С. 18–25.
Dneprovskij N. V., Choref M. M. K voprosu o lokalizacii i datirovke armyanskogo nazemnogo hrama v Bahchisarae // Istoricheskoe nasledie Kryma. – Simferopol'. – 2007. – Вып. 20. – С. 18–25.
8. Дом Пачаджи // Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник [Электронный ресурс]. – URL: <https://handvorec.ru/dom-pachadzhi/>
Dom Pachadzhi // Bahchisarajskij istoriko-kul'turnyj i arheologicheskij muzej-zapovednik [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://handvorec.ru/dom-pachadzhi/>
9. Ельяшевич В. А. Караимское кладбище Феодосии: История, запечатленная в камне / Под ред. М. Б. Кизилова. – Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2018. – 176 с.
El'yashevich V. A. Karaimskoe kladbishche Feodosii: Istoriya, zapечатlennaya v kamne / Pod red. M. B. Kizilova. – Simferopol': GAU RK «Mediacentr im. I. Gasprinskogo», 2018. – 176 с.
10. Жаткин Д. Н., Васильев Н. Л. «Покойся, милый прах, до радостного утра!» О семантике и литературной судьбе эпитафии Н.М. Карамзина // Русская речь. – 2017. – № 5. – С. 3–10.
Zhatkin D. N., Vasil'ev N. L. «Pokojsya, milyj prah, do radostnogo utra!» O semantike i literaturnoj sud'be epitafii N.M. Karamzina // Russkaya rech'. – 2017. – № 5. – С. 3–10.
11. Карамзин Н. М. Эпитафии // Карамзин Н. М. Стихотворения. – Л.: Советский писатель, 1966. – 424 с.
Karamzin N. M. Epitafii // Karamzin N. M. Stihotvoreniya. – L.: Sovetskij pisatel', 1966. – 424 с.
12. Корпус боспорских надписей / Под ред. В.В. Струве. – М.; Л.: «Наука», 1965. – 951 с.
Korpus bosporskikh nadpisej / Pod red. V.V. Struve. – M.; L.: «Nauka», 1965. – 951 с.
13. О порядке приобретения дворянства службою // Полное собрание законов Российской империи. – СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1846. – Т. XX. – С. 450–451. [Электронный ресурс]. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php

O poryadke priobreteniya dvoryanstva sluzhboyu // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. – SPb.: Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kancelyarii, 1846. – Т. XX. – S. 450–451. [Elektronnyj resurs]. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php

14. Пинчук С. А. Балаклавский греческий пехотный батальон в первой четверти XIX века // Архіви України. – 2013. – № 1. – С. 171–196.

Pinchuk S. A. Balaklavskij grecheskij pekhotnyj batal'on v pervoj chetverti XIX veka // Arhivi Ukraїni. – 2013. – № 1. – S. 171–196.

15. Покойся прахъ души безцѣнной: Московская стихотворная эпитафия XX века из коллекции Н. Пропирного и А. Яшина. – М: ООО «Сам Полиграфист», 2017. – 224 с.

Pokojsya prah dushi bezcennoj: Moskovskaya stihotvornaya epitafiya XX veka iz kolekcii N. Propirnogo i A. Yashina. – M: ООО «Sam Poligrafist», 2017. – 224 s.

16. Послужные списки Балаклавских греков. Избранные мат-лы из коллекции А.Ю. Донского // Греки и Россия, XVII - XX вв. / Сост. И. Николопулос; отв. ред. Г. Л. Арш. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. – С. 185–288.

Posluzhnye spiski Balaklavskih grekov. Izbrannye mat-ly iz kolekcii A.Yu. Donskogo // Greki i Rossiya, XVII - XX vv. / Sost. I. Nikolopulos ; отв. red. G. L. Arsh. – Sankt-Peterburg: Aletejya, 2007. – S. 185–288.

17. Степаненко В. П. Византия и Крым в постфемный период (конец XI – XII вв.): к постановке проблемы // Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии. – 2018. – Вып. XXIII. – С. 713–720.

Stepanenko V. P. Vizantiya i Krym v postfemnyj period (konec XI – XII vv.): k postanovke problemy // Materialy po istorii, arheologii i etnografii Tavrii. – 2018. – Вып. XXIII. – S. 713–720.

18. Чернопятов В. И. Некрополь Крымского полуострова. – М.: Тип. Л. В. Пожидаевой, 1910. – 313+VII с.

Chernopyatov V. I. Nekropol' Krymskogo poluostrova. – M.: Tip. L. V. Pozhidaevoy, 1910. – 313+VII s.

19. Янници Ф. Из истории моей семьи // Греки Балаклавы и Севастополя. – М.: Индрик, 2013. – С. 241–244.

Yannici F. Iz istorii moej sem'i // Greki Balaklavy i Sevastopolya. – M.: Indrik, 2013. – S. 241–244.

20. Yakobson A. L. A propos des relations entre les régions littorales au Nord et au Sud de la Mer Noire // Bizantinoslavica. – 1981. –Т. XLII. – Fasc. 1. – P. 43–51.

Leybenson. Yu. T. Gravestones of the XIX – early XX centuries of two old Bakhchysarai cemeteries.

The article is devoted to the study of tombstones of the XIX – early XX centuries in the city of Bakhchysarai originating from two necropolises from the cemetery on Partisanskaya Street and from the so-called Russian Settlement. They are a vivid example of provincial Christian cemeteries. The author describes the history of the study of necropolises, their current state and problematic protection issues. It is important to note that during the work the time of foundation of the Bakhchysarai civil necropolis (on Partizanskaya Street) was specified – no later than 1813. The most interesting epitaphs are also given, testifying to the Greek employees of the Greek Battalion of Balaklava and participants in the Crimean War. An important feature is that the article contains translations of Greek epitaphs, including those compiled in honor of immigrants from Trebizond and the Chios island. The author considers epitaphs reflecting the social status, ranks of the state civil service of persons buried in Bakhchysarai. The practice of using common epitaphs and borrowing poetic texts of epitaphs on later tombstones was analyzed. Frequent and rare forms of gravestone monuments are considered too.

Keywords: necropolis, epitaphs, Crimean Greeks, Crimean War.